

Збигнев Войцеховский

Иван Поддубный

одолеть его могли только женщины

*Биографии великих
Неожиданный ракурс*

Збигнев Войцеховский
Иван Поддубный. Одолеть
его могли только женщины
Серия «Биографии великих. Неожиданный ракурс»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5011298

Збигнев Войцеховский. Иван Поддубный. Одолеть его могли только женщины: Эксмо; Москва;

2013

ISBN 978-5-699-62966-4

Аннотация

Его называли чемпионом чемпионов. Неправдоподобно сильный, кристально честный, негибаемо волевой и в то же время по-юношески влюбчивый и ревнивый, таким был едва ли не самый сильный человек планеты, потомственный казак Иван Поддубный. В начале XX века, когда вся Европа фанатично поклонялась «королеве спорта» – борьбе, слава о феноменальных способностях «русского медведя» Поддубного прогремела на весь мир. Он с легкостью кидал на лопатки сильнейших борцов планеты, он развенчивал мифы о непобедимости именитых европейских и американских атлетов, с честью демонстрируя всему миру богатырскую силу русского человека.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Збигнев Войцеховский Иван Поддубный. Одолеть его могли только женщины

Пролог

Вся история человечества – это цепь волевых бросков, прорывов. Сперва они случались редко, раз в тысячу лет. Скажем, научился человек добывать огонь, пользоваться каменными орудиями труда, соорудить себе жилище, изобрел колесо, письменность. Прорыв, радость, а потом, приобретя одно из очередных благ цивилизации, человечество вновь развивалось медленно, но только до следующего броска.

Последние десятилетия девятнадцатого столетия стали чрезвычайно интересным временем для тех, кто жил в нем, и для тех, кто наблюдает за ним через более чем столетие, – для нас с вами. Люди с восхищением следили за морскими путешествиями первых океанических лайнеров. Неуклюжие самолеты и величественные дирижабли взмывали в небо. По железным магистралям уже мчались паровозы, появились на дорогах первые автомобили. Подпирали тучи первые небоскребы. Стальные конструкции позволяли сооружать мосты головокружительной высоты и невозможной до этого протяженности. Теперь уже не надо было ждать попутного ветра, чтобы отправиться в путь, планировать путешествие по суше от одного постоянного двора до другого. Комфортабельные каюты ждали богатых пассажиров. Дома-вагоны уже всюду стучали на стыках железных дорог. Скорость, мощь сделались объектами поклонения, самоцелью. А где есть общая для всех цель, там и возникают соревнования. Кто выше, кто дальше, кто быстрее, кто сильнее? Казалось, что человек, его тело, безнадежно отстает в развитии от собственных рукотворных созданий, что время одиночек – силачей-героев – уходит безвозвратно.

Да, на календаре еще был девятнадцатый век, но в воздухе, в пейзажах уже чувствовалось дыхание следующего – двадцатого – столетия с его сумасшедшими возможностями, достижениями, угрозами и разрушениями.

Но все это происходило в столицах, в больших городах. Совсем рядом, на обочине мировых магистралей, еще шла совершенно другая жизнь: размеренная и патриархальная. В которой, казалось бы, ничего не изменилось за последние сотни лет. Одним из таких мест на Земле была Полтавщина. Здесь по-прежнему носили украинские народные платья и сорочки-вышиванки. На головах у мужчин красовались широкополые соломенные шляпы. Вовсю звучали народные песни. И никто еще не знал, что именно здесь, в Полтавской губернии, в большом старинном селе Красеновка, 8 октября 1871 года родится самый сильный человек на планете, один из самых известных борцов своего времени. Первенец – Иван Поддубный – появился на свет в семье потомственного запорожского казака Максима Ивановича Поддубного. После Ивана у Поддубных родятся еще трое сыновей и три дочери. Но все они если и известны нашим современникам, то лишь благодаря своему старшему брату.

Конечно же, фамилия звучала не совсем так, как ее преподносили советские и преподаватели сегодня российские энциклопедии, а на украинский лад – Пиддубны. Так, кстати, все семейство и называли в селе. Но местный священник сделал запись в метрической книге по-русски – Поддубный – просто адаптировав фамилию к русскому языку.

Рассказывают, будто бы даже имя в планах было другое, родители хотели назвать сына иначе – не Иваном. Но по старой украинской традиции крестить новорожденного в церковь отправились не мать с отцом, а кум с кумою – крестные. Чтобы согреться в холод-

ный октябрьский день, по дороге заглянули они в корчму – придорожный трактир. Выпили немного, захмелели. Когда же вновь оказались на улице с младенцем, то не сразу заметили, что просидели в корчме, рассказывая другим посетителям о своей миссии и о своем крестнике, непростительно долго. Небо затянуло тучами, солнце скрылось. Откуда же узнаешь, который час? Пришли к церкви, а священник, отчаявшийся их уже дождаться, закрыл храм на ключ и ушел по делам. Куда же было идти в таком случае куму с кумою? Правильно, вернулись в корчму и, как положено, снова выпили за здоровье и будущее счастье своего крестника. В церковь попали они уже ближе к вечеру, когда священник вернулся, чтобы служить вечерню. В головах у крестных после крепкой пшеничной горилки многое перепуталось. И когда батюшка спросил про имя новорожденного, то они его не вспомнили, как ни старались. Но не возвращаться же к матери и отцу из-за такой мелочи! Полистал священник святцы, стал называть имена. Все не то. И тут услышали они:

– ... Иван...

– Точно, Иван, – приободрился кум, хотя и сам не мог сказать, почему именно это имя из святцев легло ему на сердце.

– Деда же его Иваном звали, – обрадовалась кума. – Вот и будет Иваном Максимовичем. Звучно.

– Если б дед его жив был, то нельзя было бы Иваном называть, – припомнил народную примету кум. – А если покойник, то сам Бог велел. В память преставившегося...

Вот и стал в тот октябрьский вечер с легкой руки захмелевших крестных совсем еще кроха Поддубный – Иваном... Так оно было или по-другому, кто уже скажет? Может, и придумали позднее люди. Почти в каждом украинском селе вам расскажут подобную байку и станут клясться, что случилась она именно у них, с их жителем. Поддубный же – человек-легенда, и потому не удивительно, что стал он героем народных анекдотов. А это большая честь, не каждый подобного удостоится.

Детство Ивана проходило так же, как и у его ровесников-сельчан. Ребенком пас гусей, скот, помогал родителям управляться с большим хозяйством. Вот только силой не по годам выделялся. Но это и не удивительно – Поддубные издавна этим славились в Красеновке. Повзрослев, взялся и за мужскую работу. Пахал землю вместе с отцом, сеял, молотил. Возил зерно мешками на мельницу, а оттуда – муку. Далекое ему еще было до отца. Тот играючи брал пятипудовые мешки и легко бросал их на телегу. Через много лет, уже обладая многими титулами, в том числе став шестикратным чемпионом мира по французской борьбе, в многочисленных интервью он не устанет повторять, что единственный человек, который был сильнее его, – это отец.

Возможно, был бы с годами Иван Максимович знаменит только в своем селе, не раскрыл бы до конца заложенный в нем неповторимый талант борца. Женился бы на батрачке или в лучшем случае соблазнил бы дочь учителя или священника. Так бы и остался работать на земле, как миллионы его соотечественников, лишь на незатейливых сельских праздниках участвуя в народной борьбе на кушаках. Но судьбе было угодно распорядиться по-другому, открыть Ивану путь в большой мир, сделать его знаменитым, раскрыть данный от рождения талант. И толкнула его на эту дорогу, когда ему шел двадцать второй год от роду, как часто случается, первая неудачная любовь. Скольких великих поэтов она сотворила, сколько военачальников создала! Мужчины если и добиваются чего-то в жизни, то в большинстве случаев делают это, чтобы доказать свою значимость женщинам. Однако обо всем по порядку...

Глава 1

Как выйти из сложной ситуации и обратить на себя внимание? Иван Максимович против Максима Ивановича. Первые ставки, первая любовь, Шведские могилы, сватовство.

Солнце стояло высоко. Где-то в вышине неба заливался трелями невидимый жаворонок. С вершины пригорка было видно далеко-далеко. Синели на горизонте невысокие холмы, размытые прогретым воздухом. Белели у реки хатки-мазанки, крытые соломой и тростником. Среди них виднелось и несколько жестяных крыш: Красеновка – село богатое.

Иван вел за повод молодого коня. Всего неделя как его запрягли, приучали к работе. До этого животное жило вольготной жизнью, не зная ни упряжи, ни седла. А потому конь вел себя нервно, зло косился на Ивана, если и подчинялся, то лишь потому, что чувствовал в нем решительность и дюжью силу. Копыта глубоко вбивались во влажную землю. Молодой, непривычный к работе конь, выбиваясь из сил, тянул за собой плуг, ручки которого крепко сжимал Поддубный-старший – Максим Иванович.

– Но, пошел! – покрикивал он на коня, когда тот норовил остановиться и сорвать шершавыми губами очередной куст лебеды.

– Тато, может, хватит с него? Вспотел весь. Да и оводы заели. Вон как хвостом хлещет.

– Это он от злости, – усмехнулся Максим Иванович. – Не хочет работать. А надо. Но, пошел!

Подчиняясь богатырскому голосу, конь прижал уши и пружинисто потянул за собой плуг. Из-под блестящего стального лемеха пластами вываливался жирный, хоть на хлеб намазывай, полтавский чернозем. Максим Иванович ловко довел плуг до конца надела, кивнул сыну. Мол, берись, переворачивай, обратно пойдём.

Иван легко подхватил ручки. Плуг он не тащил по земле, а легко нес перед собой, словно тот весил каких-то полпуда. Конь, обрадовавшись передышке, успел слегка пощипать травы, но вскоре вновь раздался зычный голос Поддубного-старшего:

– Но, пошел...

Теперь, на подъем, конь тянул плуг совсем медленно, выбиваясь из сил. Вновь разворот, еще один... Иван и не заметил как село солнце, близился вечер.

– Еще три прогона сделать – и все, на сегодня шабаш, – подбодрил Максим Иванович.

Иван поглядывал на возвращавшихся с работ односельчан. Катились, пылили по проселку телеги с лежащими в них плугами. Шли жнеи. Мужики несли на плечах косы с деревянными граблями.

Конь сделал еще одну борозду. И только Иван взялся за плуг, чтобы развернуть его в обратную сторону, как животное почувствовало послабление и взбрыкнуло. Разболтавшаяся за день напряженной работы упряжь свалилась. Освободившийся конь радостно заржал и отбежал к межевой полосе, густо поросшей сочной травой.

Максим Иванович неодобрительно посмотрел на сына. Мол, упряжь ему доверена – надо было следить.

– Теперь лови.

Легко сказать «лови». Молодой конь своенравен, это не привыкший к работе трудяга, повинующийся любому слову хозяина. Он еще помнит вольную жизнь, когда им никто не понукал. Иван решительно направился к коню. Но тот держался начеку, рванул в сторону, чуть не ударив хозяина копытами, и вновь принялся за траву.

– Ах, ты так? – Иван вновь попытался взять животное силой и ловкостью, но ничего из этого не получилось.

Максим Иванович с кривой улыбкой следил за сыном, не помогал. По его разумению, каждой работе человек должен научиться сам. Тем временем возвращающиеся с работы селяне останавливались, подтрунивали над неудачливым ловцом.

– Эй! – кричал сосед Поддубных по улице. – Да разве ж настоящий казак коня своего упустить может? Не тебе на нем, а ему на тебе ездить надо.

Иван разозлился, но виду старался не подавать. Он решил действовать хитростью. Сложил ладонь так, как если бы держал в ней хлеб и, причмокивая губами, двинулся к своенравному коню. Тот, казалось, поддался на уловку, потянулся к ладони, жадно втягивая воздух ноздрями. Поддубный-младший метнулся, чтобы схватить коня за шею, но тот отпрянул, рука соскользнула с потной кожи. Не удержавшись на ногах, Иван упал на распаханый чернозем, а конь, взбрыкивая и оглашая пейзаж ржанием, побежал к дому.

Односельчане тут же отозвались дружным хохотом. А собралось их уже немало. Этот край надела проходил почти у самого села.

– Настоящий казак и из седла никогда не упадет. Ну, разве что совсем пьяный будет! – прокричал, отсмеявшись, сосед.

И вновь раздался взрыв хохота. Иван покраснел, отряхнулся от налипшей земли. Смеялись незло, никто не сомневался в умении Поддубных быть хорошими хозяевами, но все равно было обидно.

– Отец, – тихо, чтоб слова не достигли чужих ушей, проговорил Иван. – Может, домой пойдем? Поздно уже.

– Начатое всегда доводить до конца надо, – твердо возразил Максим Иванович. – Завтра воскресенье. Работать в праздник – грех. Допахать надо. Иди за конем.

Ивану подумалось, каким дураком он будет выглядеть в глазах соседей, если примется бегать по деревне за своенравным жеребцом, но перечить отцу было нельзя. Максим Поддубный славился не только силой, но и упрямством. Если решил допахать поле сегодня, то сделает это хоть при свете луны.

Все еще красный от стыда, Иван осмотрелся. Мужского смеха он особо не боялся. Мужики, они отходчивые, посмеялись и забыли. Однако собралось и много баб, молодых, девчат. Особо громко и заливисто хохотала Аленка Витяк. Даже постукивали крупные красные бусы у нее на шее. Не простые красные самодельные деревянные бусы, а привезенные из города. Отец у дивчины был одним из самых богатых хозяев в деревне. Этот смех словно подстегнул Ивана. Он, ничего не говоря, сбросил сорочку, подхватил развязавшуюся конскую упряжь, стянул ее, набросил на грудь и потащил за собой плуг вместо коня. Ноги вязли в мягкой земле. Лемех уперся, а затем вздрогнул, пошел, ровно вываливая пласты жирного чернозема. Максим Иванович спокойно продолжил работу, так, словно ничего особенного и не происходило. В душе он порадовался за сына – растет такой же упрямый и сильный, как и он сам.

Смех в толпе быстро поутих, хотя находились еще острословы, попытавшиеся подтрунивать над Иваном. Но на них зашикали, теперь симпатии зрителей оказались целиком на стороне Поддубных.

– Не вытянет. Один прогон сделает и спечется, – убежденно сказал сосед.

– А я говорю, вытянет, – возразил стоявший рядом с ним крепкий еще старик – крестный Ивана – и подкрутил ус.

– А давай на спор? Если вытянет, то я тебя завтра вечером угощаю.

Мужчины ударили по рукам. Иван понимал, что иной дороги у него уже нет. Надо допахать поле вместо коня, иначе оконфузишься и крестного подведешь. Он упирался, волок глубоко врезавшийся в чернозем плуг и исподлобья смотрел на сельчан. И тут его взгляд встретился с глазами Аленки Витяк.

Темные волосы заплетены в аккуратную косу толщиной с руку, конец которой доходил девушке до середины спины. Ивану не к месту подумалось, что если волосы распустить, то опустятся они до самых широковатых бедер, а то и прикроют их. Аленка смотрела на него, задержав дыхание, явно любовалась игрой мощных от природы и постоянной тяжелой работы мышц. А посмотреть было на что. Не каждый парень мог похвалиться такой мощью. Девушка даже рот приоткрыла, отчего стала только краше. Теперь Иван смотрел исключительно на нее, медленно идущую по меже рядом с ним. И с каждым шагом работа давалась ему легче. На развороте он не стал дожидаться, пока отец развернет плуг, а сделал это сам.

– Дотянет, ей-богу, дотянет, – бормотал сосед, уже пожалев, что ввязался в спор и пообещал угощение.

Так и случилось. Сделав последний проход, Иван сбросил с себя упряжь, поднял сорочку с борозды и вытер ею вспотевший лоб.

– Ну что, сынку, теперь можно и до хаты, – Максим Иванович с теплотой глянул на то, как сын легко поднимает и уstraивает на плече стальной плуг.

За спинами шагавших по улице села Поддубных, за плетнями, шептались. Мол, богатыри – отец и сын, придет время – и Иван станет знаменитым на всю округу.

Так в этот день будущий кумир публики провел свое первое публичное представление, приобрел первых зрителей и почитателей с поклонницами. Он, еще не понимая, что стал артистом, чисто интуитивно совершил то, чем издавна пользуются на сцене актеры и лицедеи на манеже. Артист должен выбрать кого-то одного из зрителей и выступать только для него. По его реакции ощущать настроение в зале. Таким зрителем в тот раз стала для Ивана Аленка...

...Воскресенье, как известно, праздник, когда самим Богом запрещено работать. Нет, конечно, можно готовить еду, мыть посуду да и печь топить. Но делать то, чем зарабатываешь на жизнь, или то, что спокойно можно сделать в другой день, нельзя категорически. Это каждый христианин знает.

С утра большинство жителей Красеновки отстояли службу в церкви, исповедались в грехах батюшке, получили отпущение и причастились, а потому могли позволить себе отдохнуть и поразвлечься с чистой совестью. Празднично одетые сельчане прогуливались по улицам Красеновки. Собирались компаниями, чтобы поговорить и обменяться новостями. Естественно, многие обсуждали и то, как вчера Иван Поддубный вместо сбежавшего коня впрягся в плуг и допахал надел. Старики припоминали, что дед Ивана в свое время тоже слыл силачом. Однажды на спор, взявши вола за рога, уложил его на землю.

Ближе к вечеру народ стал собираться на площади в центре села. Тут обычно сходились те, кто хотел померяться силой в борьбе на кушаках и любопытные. Борьба на кушаках – это старинная казацкая забава, практически бескровная, но требующая от участников умения и сноровки в рукопашном бою. Противники забрасывают друг другу за спины пояса и, держась за их концы, пытаются повалить один другого. Казалось бы, очень просто, но ведь борьба древняя, с большими традициями, просто так ее не освоишь. Необходимы тренировки, выдумка, знание приемов, а не только грубая сила и желание победить.

Зародившись в среде запорожских казаков, борьба на кушаках позже попала и в Россию, вместе с казаками, поступавшими на российскую военную службу.

Настоящим чемпионом Красеновки по борьбе на кушаках вот уже лет пятнадцать был Максим Иванович Поддубный. Мало кто решался мериться с ним силой. Но и проиграть ему не казалось зазорным. Сына своего, Ивана, Поддубный-старший приучал к борьбе с детства. В свободное время, а то и просто на поле показывал ему всякие приемы, хитрости, обманные движения, учил уходить от захватов, внезапным рывком поднимать противника в воздух, чтобы потом бросить на землю, положить на лопатки. Нередко Иван с отцом мерились силой у себя во дворе, но в народ не выходили. Ведь не было еще до недавнего времени в Иване той

силы, которая бы могла уложить отца на лопатки. Однако с другими он схватывался часто и был даже в тройке сильнейших.

Любители борьбы занимали места, рассаживались просто на траве, молодежь – парни с девчатами – залезали на телеги у плетней, на бревна, где можно было незаметно для старших прижаться друг к другу, обменяться рукопожатиями, шепнуть пару ласковых слов. Некоторые стояли, лениво пощелкивая тыквенные семечки.

Посредине импровизированного сельского манежа разместились те, кто собрался померяться силой. Были среди них и мужчины в возрасте, и молодые парни, решившие блеснуть перед своими избранницами.

Максим Иванович возвышался над всеми, только сын Иван был почти под стать отцу ростом и телосложением. Мужчины, решившие посоревноваться в ловкости, стояли скинув сорочки, подставляя солнцу загорелые плечи.

– Ну, кто померяется со мной силою? – поинтересовался Поддубный-старший.

– С тобой-то мериться боязно. Проиграю, – отвечал коренастый казак, накручивая на руку широкий пояс.

– Ты, Максим Иванович, лучше сам себе противника выбери. Чтоб потом обидно не было.

– Сам – так сам.

Максим Иванович неторопливо прошелся мимо мужчин, окидывая каждого взглядом, словно мысленно укладывал на лопатки. Сделав круг, пошел по второму. Сельчане шептались. Говорить громко опасались, словно не на площади собрались, а на службе в церкви. Наконец Максим Иванович остановился напротив сына.

– А не хочешь ли ты со мной силами помериться, Иванко? Время-то твое уже пришло.

Честно говоря, вот этого, и особенно сейчас, Ивану совсем не хотелось. Ведь на него смотрела Аленка, стоявшая под самым плетнем отдельно от подружек. У других выиграл бы. А отцу проиграешь – опозоришься. А как тут выиграть? Сильнее отца мужчин в деревне нет.

– Как скажете, тата, – смирился Иван.

– Не хочешь – не будем мериться.

Но отказаться от поединка было бы еще большим позором, чем проиграть его. Публика оживилась. Аленка Витяк, раскрасневшаяся то ли от вечернего солнца, то ли от волнения, подошла поближе, смотрела издали на парня, склонив голову набок.

– Будем меряться.

– Смотри, не проиграй.

Отец и сын размотали кушаки, сложили их пополам, забросили друг другу за спины, натянули. Некоторое время они топтались по кругу, примериваясь один к одному. Иван старался передвигаться, не отрывая ног от земли, так сложнее будет его опрокинуть. Максим Иванович не спешил, хоть его и подбадривали криками:

– Давай, Максим Иванович, давай!

Первым рванул Иван, попытавшись поднять отца в воздух, но тот словно прирос к земле, даже пятки не приподнялись. В рывок Иван вложил много сил, и теперь ему оставалось только ждать, когда в наступление перейдет отец.

Зрители загудели, предчувствуя победу старшего Поддубного.

«Ну, чего он тянет? – думал про себя Иван. – Бросил бы меня на землю. Пять минут позора – и все».

Но Максим Иванович, как и в работе, был рассудительным, ждал нужного момента. Именно этому он учил и сына: «Если чувствуешь, что не можешь одолеть противника сразу, то выматывай его, а сам экономь силы».

Отец рванул кушак на себя. На мгновение ноги Ивана оторвались от земли, он абсолютно точно почувствовал, что с ним сейчас могут сделать что угодно. Он бросил взгляд на

Аленку, та кусала губы, явно переживая за него. Но тут же ступни Ивана чудесным образом вновь коснулись пыльной земли. Однако никто этого чуда не заметил, всем казалось, что благодаря своему умению Иван сумел избежать неминуемого поражения. Сын перехватил взгляд отца, тот тоже смотрел на дочку Витяка – в его глазах заблестел озорной огонек, будто он все понял и задумал что-то чрезвычайно веселое. И тут Иван сообразил, что отец просто решил поддаться ему сегодня в борьбе, но сделает это не сразу. Во-первых, не хочет портить людям праздник быстрым поражением, а во-вторых, держит марку и тем самым поднимает в цене будущую победу Ивана.

Сперва в душе парня поднялась обида. Ведь сам же отец всегда учил его, что жульничать нельзя, но потом он поставил себя на его место и понял, что сделал бы для сына то же самое. Для вида боролись долго. То один, то другой оказывались на грани поражения. Вот только никто из зрителей так и не понял, что их разыгрывают. Публика уже завелась. Люди в возрасте переживали за Максима Ивановича, а вот молодежь уже неприкрыто выкрикивала:

– Иван! Иван! Покажи силу!

И Ивану казалось, что он различает в гуле голосов тихий шепот Аленки, это придавало силы. Когда оба борца уже были мокрые от пота, когда сил оставалось совсем мало, Иван дернул за кушак, приподнял отца и ощутил, как тот сам заваливается на спину.

Победа была очевидной. Люди окружили боровшихся.

– От сына и поражение получить не зазорно, – сочувствовали Максиму Ивановичу.

– Настоящего казака вырастил!

Поддубный-старший только улыбался и еле приметно подмигивал сыну, который вмиг стал самым видным парнем на селе.

Схватки на кушаках продолжились, но Иван в них уже не участвовал. Он исподволь поглядывал на Аленку, любовался ею. Девушка пару раз бросила на него быстрый взгляд. Но тут же, заметив, что за ней наблюдают, отводила глаза, опускала голову. А затем засобиравшись, заспешила по опустевшей улице.

Иван знал, как бороться на кушаках, как пахать землю и сеять пшеницу. Он мог подбрасывать тяжеленные мешки с зерном, но он не знал, как подойти к девушке и сказать ей самые простые слова. Несколько раз глубоко вздохнув, он выбрался из толпы зрителей, окруживших импровизированный манеж. Ему казалось, что все сейчас смотрят на него, понимают, куда и зачем он идет. Хотя на самом деле все были увлечены борьбой.

Аленка торопливо шагала к своему дому. Длинный подол прикрывал ноги, и Ивану казалось, что дивчина невесомо плывет над улицей. До дома Витяков оставалось всего две хаты. А Иван пока еще не решился приблизиться к Аленке, хоть та пару раз и обернулась.

– Постой, – наконец-то вырвалось у него.

– Чего тебе? – обернувшись, спросила девушка и остановилась.

Все заранее приготовленные слова мигом вылетели у Ивана из головы, он просто стоял перед Аленкой и молчал, глядя на нее и вновь представляя с распущенными волосами.

– Так чего тебе? – донеслось до него словно издали.

– Приходи, как стемнеет, к Шведским могилам, – внезапно вырвалось у него само собой.

Сказав это, Иван повернулся и побежал по улице так быстро, что ему даже не удалось расслышать тихое:

– Может, и приду. А может, и нет.

Иван добежал до луга и упал на землю. Он лежал в траве, раскинув руки, и смотрел на солнце, клонившееся к западу. Хотя ему казалось, что оно застыло на месте и никогда не опустится за горизонт. Пахло сеном, гудели пчелы, мешались мысли в голове, мышцы еще немного ныли после борьбы, но все это казалось ощущением полета.

Наконец небо окрасилось розовым, потом багрянцем. Иван поднялся и пошел прочь от села – туда, где на фоне подсвеченного заходящим светилом горизонта высились три больших кургана. Именно их и называли в Красеновке Шведскими могилами. Разумеется, на самом деле к шведам они не имели никакого отношения – насыпали их жившие здесь в прежние времена сарматы. Но старые дела забываются, и появление курганов местное население прочно связало в сознании со шведами, потерпевшими в восемнадцатом веке поражение под Полтавой от войск Петра I. Будто бы оставшиеся в живых сносили сюда погибших на чужой земле товарищей, а потом засыпали их, таская землю в шляпах. Зачем шведским солдатам понадобилось носить грунт именно шляпами, и не проще ли было соорудить носилки, никто таким вопросом не задавался. Мол, именно так старые люди рассказывали, а им можно верить, они от своих дедов слышали, а те своими глазами видели.

Была еще легенда, что закопали шведы в одном из курганов золотую карету Карла XII. В это тоже свято верили, но никто откопать ее не решался. Нельзя тревожить покой мертвых. Рассказывали, будто эта карета раз в год выезжает из кургана «для просушки» в лунном свете. И тому, кто увидит ее, будет в этой жизни счастье. С одной стороны, Шведские могилы считались местом проклятым, заколдованным, с другой – сюда любили приходиться влюбленные. Ведь тут всегда было тихо, никто из отцов и матерей сюда не заглядывал, даже траву возле них никогда не косили, считалось, что, поев ее, скотина сдохнет. Да и напуганную страшными историями девушку проще обнять.

Иван сел у подножия кургана и смотрел на село. В окнах загорались огоньки лучин, сальных свечей, а в домах побогаче – керосиновых ламп. Вскоре темнота опустилась на землю, и Красеновка с ее огоньками стала казаться догорающими в потухшей печке угольками. Похолодало. Легкий ветер колыхал нескошенными травами. До боли в глазах всматривался Иван в темноту, пока наконец не различил приближающуюся белую фигурку, казавшуюся ему привидением. Она бесшумно плыла среди высокой, лежащей волнами под ветром травы. Девушка замерла, огляделась, словно раздумывала – а не вернуться ли ей назад.

– Аленка, – позвал Иван и заспешил навстречу.

Он подошел и остановился. Витяк казалась ему хрупкой и почти бестелесной, хотя и была обыкновенной сельской девушкой, проводившей целые дни в работе.

– Ну, здравствуй, Иван, – выдохнула она. – Сказать чего хочешь?..

Она говорила, и было все равно, что именно она говорит. Главное – слышать ее голос, подобный песне жаворонка в небе. Иван сам толком не помнил, как взял ее за руку, повел за собой к кургану, как усадил. Опомнился, когда уже сидел рядом, так и не выпустив ее руку из своих могучих ладоней. Иван тоже говорил что-то несуразное о том, какие виды в этом году на урожай пшеницы, сколько сена они заготовили с отцом и братьями. И ни слова о том, что у него творится на душе. Он чувствовал, как иногда Аленка сжимает пальцы, словно отвечает его невысказанным словам.

– Ой, родители что подумают, я сказала им что с девчатами пойду гулять, а они, наверное, уже вернулись, – спохватилась Аленка.

– Я тебя провожу, – пообещал Иван.

Шли не по деревне, а задворками. Тропинка то и дело пропадала в темноте. Пахло тем, что растет на огородах – чесноком, луком, укропом, петрушкой, любистком.

– Ну, вот и пришли, – немного грустно произнесла Аленка.

Так не хотелось выпускать ее руку! Иван нагнулся и неумело поцеловал девушку в губы. Просто коснулся ее губ своими. Аленка отпрянула, беззвучно вскрикнула, а затем засмеялась.

– Глупый ты, глупый.

После чего, приподняв подол, заспешила к дому. Вскоре Иван уже слышал ее голос. Аленка рассказывала матери «где гуляла с подругами, что видела». И самое удивительное, ее рассказ звучал настолько убедительно, словно так все и было на самом деле.

Вернувшись к себе, Иван даже не стал заходить в дом, устроился на сеновале. Спать не хотелось. Он лежал, вдыхая запахи родной земли, смешанные с ароматами ночи. На небе горели звезды. Будущее казалось ему светлым и радостным. Ведь как же еще может быть, если он поцеловал Аленку, а она не стала противиться? Сон подкрался незаметно. Иван даже и не заметил, как провалился в него. Там он вновь оказался у кургана с Аленкой Витяк, они стояли, взявшись за руки, а навстречу им выезжала золотая карета шведского короля. Но так и не узнал Иван Поддубный, куда она должна их завести. Проснулся от крика петуха. Нахальная птица высилась на балке прямо перед ним, хлопала крыльями и радостно кричала, встречая восходящее солнце...

...Потом еще были встречи с Аленкой – и тайные, у Шведских могил, и в селе, на глазах у людей. Теперь Иван уже не испытывал робости в разговорах с ней. Она стала для него близким, но, как оказалось, не до конца своим человеком. И вот однажды он твердо сказал отцу, что хочет посвататься к Аленке.

Максим Иванович выслушал сына и тяжело вздохнул.

– Я тебя понимаю. Красивая она, хорошая и хозяйкой стоящей будет. Но не пара она тебе.

– Почему же?

– Не пара, и все. Отец ее за тебя не отдаст. Мы не голытьба какая-нибудь, но и не сильно богатые. А он деньги считать умеет. Отдаст только за того, кто богаче его. Сам сколько раз от него слышал.

– Но любит она меня. И я ее люблю.

– Сегодня любит, завтра за другого пойдет. Женщины все такие, – не оставлял попыток образумить сына Максим Иванович. – Найдешь ты еще свое счастье.

– Зачем искать, если оно уже рядом?

Не занимать было упрямства Ивану, настоял-таки, и отец согласился заслать к Витякам сватов. Сделали все честь по чести, как заведено. Иван даже на колени перед старым Витяком стал, нагайку перед ним положил. Мол, если что, тот может и ударить будущего зятя. Аленка подсматривала за этим из-за занавески. Витяк Ивана выслушал, с коленей поднял, только и сказал, чтобы шел во двор со сватами, ответа дожидался. Какого ответа, так и не сказал.

О чем говорили в хате дочь и отец, только они и знали. Наконец, когда Иван и его приятели устали ждать, дверь открылась и на крыльцо вышла Аленка – бледная, как той ночью, когда она к Шведским могилам на первую встречу к нему шла. Сразу же Иван недоброе почувствовал, но не хотел об этом и думать, подбежал, шумно выдохнул.

– Ну?

Аленка не стала ему в глаза смотреть, но слезы ее Иван увидел...

Когда Иван к друзьям вернулся, только и сказал:

– Отказала.

И сразу же Иван Поддубный показался всем другим, таким, каким они его никогда прежде не видели, не знали. Куда только подевалась радость, даже жизненная сила, казалось, его покинула. Три дня он не показывался людям на глаза. То на сеновале сидел, то уходил до рассвета за село. Мать уже беспокоиться стала, хотела с ним поговорить, чтоб, чего доброго, руки на себя не наложил, но Максим Иванович остановил супругу:

– Каждый человек должен свое горе в себе пережить, пока оно из него не выйдет, как пот во время работы.

И вот однажды Иван стал перед отцом и сказал ему, что хочет податься в город на заработки. Максим Иванович, хоть и было по хозяйству еще много неоконченной работы, не

стал его удерживать. Знал, что не может больше Иван жить в Красеновке. Невыносимо ему каждый день Аленку видеть и знать, что не может подойти к ней, поговорить даже не может.

– И чем заняться думаешь?

– В грузчики пойду, – не раздумывая, ответил Иван. Видно было, что все для себя он уже решил.

– В грузчики можно, силы в тебе хватает. Ты бы у наших расспросил, где и как можно устроиться. Хорошее место подсказали бы.

– А чего советовать? Грузчики в любом порту нужны. Отпускаете?

Назавтра, расцеловав отца и мать, получив их благословение, распрощавшись с сестрами и братьями, Иван отправился в дорогу.

Мы не знаем, смотрела ли Аленка из-за занавески тайком на то, как уходит ее любимый, плакала ли. Наверное, плакала. Но, возможно, не тогда, а потом, когда узнала от других людей, что Иван Поддубный покинул Красеновку надолго. Не знаем мы также, имел ли он точный план, знал ли, куда именно направляется, в какой город. Скорее всего, о таких вещах Иван не задумывался. Какая ему разница, где пытаться счастье? Особых друзей-знакомых у него в городах не было. А работающие люди, которые не боятся трудностей, везде себе применение найдут. Где пешком, где на попутных возах и телегах продвигался он на юг. Случай мог привести его и в Одессу, и в Севастополь, и в Феодосию, и в Керчь.

Глава 2

Пять фунтов хлеба под бутылку пива. Испытание картами. Проходимцы и биндюжники. Счастливая кобыла. Геркулес, разрывающий пасть льву, и гадание цыганки. Дом у теплого моря.

Итак, 1893 год. Двадцатидвухлетний Иван Поддубный в широком войлочном пальто, войлочной же крестьянской шляпе, с самодельным саквояжем, плетеным из ивовых прутьев, в сапогах и штанах домашней работы оказался в Севастопольском порту. В планах у него было заработать много денег, вернуться в Красеновку и завоевать Аленку. Как именно это будет происходить – то ли она сама придет к нему, то ли придется бросить деньги к ногам ее жадного отца, Иван еще не знал. Но твердо верил, что главное – поставить перед собой цель, а уж добиться он ее сможет.

Разбогатеть, работая в порту грузчиком? Вам кажется это наивным и смешным? Но простаком он не был, крестьянской основательности ему было не занимать. Не забывайте об очень молодом возрасте Поддубного и о его патриархальном воспитании. Да и не слишком большие деньги нужны были, чтобы стать уважаемым человеком в Красеновке.

К тому же в то время Украина была без преувеличения настоящей житницей Европы. Миллионы тонн отборной пшеницы отправлялись морем из черноморских портов Российской империи на Запад. Миллионные суммы оборачивались через порты. Но хлеб сам в трюмы кораблей не посыплется, его надо туда еще загрузить.

Помните знаменитую песню про «Константина и шаланды, полные кефали, которые он в Одессу приводил»? Там есть и такие строчки: «... и все биндюжники вставали, когда в пивную он входил...» Так вот, биндюжники – это портовые грузчики, на чьих плечах в мешках переносилась вся экспортируемая Черным морем пшеница. И получали они немалые деньги. Другое дело, что многие из биндюжников пропивали их, проигрывали в карты, тратили на проституток. Портовый город таит в себе много соблазнов и искушений. Но многие тратились по минимуму, лишь на харчи и дешевое жилье, остальное откладывали. И через год-два работы в порту могли уже позволить себе приобрести небольшой надел земли и построить незатейливую мазанку в Центральной Украине, чтобы вновь работать на земле, как это делали их деды-прадеды. Примерно так и представлял себе свое будущее Иван Поддубный.

Он и раньше бывал в больших городах, но тогда это были лишь короткие поездки, когда не требовалось вникать в тонкости местной жизни. Однако теперь он смотрел на Севастополь совсем другими глазами. Здесь ему предстояло провести много времени, понять, чем живет порт, город, стать в какой-то мере своим, чтобы не обманули, не обокрали. Ведь иначе и мечту вернуть себе Аленку Витяк, сделать ее своей женой – не осуществить. Можно было, конечно, как и советовал отец – Максим Иванович, – отыскать односельчан, многие из которых работали грузчиками. Они бы и подсказали, где лучше всего устроиться. Но встреча с земляками неминуемо требовала рассказа о том, почему он подался в город во время полевых работ. Рассказа о сватовстве и отказе отдать за него Аленку. Гордость не позволяла Ивану пойти на такой шаг. Вот и решил он попытать счастья почти вслепую. Пусть узнают обо всем, что произошло в родном селе, но не от него.

Иван стоял в порту и присматривался к его напряженной жизни. Разношерстная, разноразовая публика сновала во всех направлениях. Оборванцы и уважаемые господа, уличные торговцы и разносчики газет, дамы сомнительного поведения, перекупщики и ростовщики, матросы торговых судов и пассажиры... Все это беспрерывно двигалось, говорило на множестве языков. Причем движение казалось на первый взгляд абсолютно хаотичным. Но, конечно же, королями на этом «празднике жизни» были портовые грузчики. Биндюжники подходили к огромным, как курганы Шведских могил, штабелям с мешками,